

Колдовские *Миры*

МИКА РТУТЬ

Жена
ПРОКЛЯТОГО КНЯЗЯ

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р81

Разработка серийного оформления
Ф. Барбышева, А. Саужова

Иллюстрация на переплете *Л. Совы*

Ртуль, Мика.
Р81 Жена проклятого князя / Мика Ртуль. — Москва :
Эксмо, 2019. — 480 с.

ISBN 978-5-04-103671-3

Просила новую жизнь? Получай. А то, что она в новом мире, с любимым мужем и отвратительной репутацией, — это твоя вина, нужно было чётче формулировать желания. А теперь сожми зубы, возьми в попутчики оптимизм и везение и карабкайся вверх, Матильда Волкова, жена проклятого князя. Кто знает, может быть, на вершине тебя ждёт счастье?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-103671-3

© Ртуль М., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Пролог

Калининград, наше время

— Сдаем работы, господа студенты! — Ольга постучала указкой по столу, привлекая внимание рьяно списывающих из Сети двоечников. — Время вышло. К следующему занятию жду от вас рефераты на тему «Положение женщины во Франции XVIII века».

Аудитория недовольно загудела, но Ольга не обращала на это внимания. Четвертая пара окончена, можно наконец-то домой. А сегодняшние работы она проверит завтра на больничной койке, все равно там совершенно нечем заняться.

— Оль, ты идешь? — В аудиторию, в которой копался последний зазевавшийся оболтус, заглянула Юля Михална с кафедры иностранных языков. — Мы с девочками уже тебя ждем!

— С днем рождения, Оль Санна! — Проходя мимо ее стола, студент робко ей улыбнулся, отчего невыразительное лицо стало почти симпатичным, положил на край стола открытку с шоколадкой и покраснел до самых ушей.

— Спасибо, Волков, — кивнула Ольга и строго добавила: — Мне приятно, но подхалимаж не избавляет тебя от написания реферата.

— Я и не думал, Оль Санна, — покраснев еще сильнее, пробормотал тот и ретировался.

Ольга ностальгически вздохнула. Тридцать восьмой день рождения, возможно, последний. И если бы она не была такой трусихой, у нее уже вполне мог быть сын примерно такого же возраста, как этот Волков. Милый глупый мальчик, он, похоже, считает ее почти ровесницей и пытается ухаживать. Было бы смешно, если б не было так грустно.

— Ох уж эти студенты, — неодобрительно показала вслед Волкову Юль Михална.

Она была на шесть лет старше Ольги и имела в анамнезе трех мужей и двоих детей. Обычно Ольга, глядя на нее, только радовалась, что не взвалила на себя такую обузу, но иногда, как сегодня, отчаянно завидовала. О чем Юль Михална была прекрасно осведомлена.

— Дети, — вздохнула Ольга.

— Ну и роди наконец своего. Всего-то тридцать восемь, люди и в сорок рожают.

— Может, и рожу, если мне на этой неделе не велят белые тапочки закупать, — улыбнулась Ольга. — Вдруг я приду к доктору, а он обзовет меня симулянткой? Тогда точно рожу.

— Не накаркай, тьфу-тьфу-тьфу, — проворчала Юль Михална, вздохнула и бодро велела: — Пошли уже, девочки заждались!

Ольга сунула шоколадку и открытку в сумку и вышла из аудитории не оглядываясь. Почему-то сегодня уже в который раз ее посещала мысль, что она может никогда больше не увидеть ни родной исторической кафедры, ни родных и привычных оболтусов-студентов. С какой стати — непонятно! Всего лишь плановая операция, ничего страшного. Пережила четыре, переживет и пятую! Вообще, может, она еще и ребеночком обзаведется. Не родит, с пороком сердца и в ее возрасте это будет самоубийством, а вот взять из детдома еще вполне можно.

И почему в молодости она была такой глупой? Боялась влюбиться и разочароваться, боялась причинить близким горе своей внезапной смертью — врачи с завидным постоянством обещали ей еще несколько лет, не больше. Боже, если бы у нее был шанс начать все сначала! Она бы не боялась всякой ерунды, она бы использовала этот шанс на полную катушку!

* * *

Обычно наркоз походил на маленькую смерть. Вот она лежит на столе и считает: десять, девять, восемь... темнота... И через мгновение — палата, белый потолок, шум деревьев за окном и понимание того, что она опять жива. Все закончилось хорошо.

В этот раз было совсем иначе. Может быть, в честь пятой, юбилейной операции?

Привычно досчитав до восьми, она уже готова была отключиться, но вместо знакомого черного провала почему-то плавно скользнула в яркий, реалистичный сон. С запахами, звуками и ощущениями.

«Странное дело, — подумала она, с любопытством разглядывая чужую захламленную комнату, — мне почти никогда не снятся такие сны. Наверное, новый препарат?..»

Комната была будуаром. Маленьким, тесным и темным. Большую часть занимала разобранная кровать, еще умещался туалетный столик с кувшином воды и какими-то баночками-скляночками, и деревянное корыто, явно исполняющее роль ванны. Платяного шкафа не было, только несколько вбитых в стену гвоздей с висящими на них платями. Дешевыми и донельзя вульгарными.

Сама Ольга тщательно красила брови перед мутным зеркальцем. Ужасно красила, в точности как

пэтэушница из рабочего района. Да и лицо ее не обезобразивал интеллект. Но если сделать допуск на слой отвратительно дешевой и яркой краски — личико было милым и свежим.

«Шлюха, молоденькая, век примерно восемнадцатый», — навскидку определила Ольга и продолжила наблюдать. Потому что в этом сне она не была сама собой и ровным счетом ничего не могла сделать, даже поправить криво нарисованную бровь.

А девица тем временем поддернула корсаж, чтобы небольшая грудь выглядела аппетитнее, и, задрав юбку, нацепила на левую ногу алую подвязку с бантиком. Стоит ли упоминать, что чулки у нее были черными, туфли грубыми, зато на высоком каблуке, ноги плохо вымытыми, а белье отсутствовало вовсе?

— Мими! Где тебя носит, дрянная девчонка? — отвлек ее от созерцания собственной красоты визгливый голос бордель-маман. — Князь ждет! Слышишь ты меня?

— Да, мадам! Я уже готова! — Одернув юбку, Мими вскочила, сделала пируэт и распахнула дверь перед сухощавой, вызывающе роскошно (по меркам Мими) одетой женщиной.

— Князь выбрал тебя как самую милую и самую невинную розочку нашего заведения! — Прозвучало это как «самую глупую курицу». — Князь желает повеселиться, а для этого — жениться!

— Ой, жениться? — Мими в недоумении прижала ладони к щекам. — По-настоящему жениться?

— Нет, конечно же, дурында! В шутку! Кто же женится по-настоящему на шлюхе! Князь упились в хлам и желают напугать батюшку. Священника и нотариуса тоже напоили. Ну, что стоишь? Иди скорее, пока князь не женился на комоде! — Мадам схватила растерявшуюся Мими за плечо и вытолк-

нула в узкий коридор, едва освещенный вонючими светильниками.

— Бегу, мадам, уже бегу! — Мими, подхватив и без того короткую юбку, помчалась на звуки пьяного веселья.

— Смотри не подведи меня! И чтобы завтра утром без разговоров подписала развод!

— Зачем, мадам, если это и так в шутку? — Мими аж остановилась за пару шагов до выхода на лестницу.

— Затем что князь так желают, дура! Князь за тебя уже заплатил, беги и не задавай глупых вопросов. Твое дело — ублажить их светлость так, чтобы их светлость оставили у нас побольше денег. Сделаешь все хорошо, новое платье тебе куплю!

— Ой, красное, хочу красное с черным кружевом, как у Лулу! — обрадованно запищала дурочка и понеслась навстречу приключениям.

«Клиническая идиотка, — констатировала Ольга. — Могла бы поиметь с князьей шутки неплохой доход, но мозги здесь и не ночевали».

В гостиной борделя, традиционно оформленной в бордо и фальшивую позолоту, творился естественный для заведения пьяный бедлам. Священник с нотариусом, оба красноносые и косые, в обнимку распевали непристойную песенку (ужасающе фальшиво), им подпевали трое в зюзию пьяных молодчиков разной степени раздетости. Несколько полуголых девиц вертелось вокруг, предлагая свои услуги. А посреди бедлама высокий светловолосый мужчина в расстегнутом гусарском мундире и почему-то одном сапоге размахивал пустой бутылкой и спорил с невидимым батюшкой. Хотя нет, почему невидимым? Роль батюшки успешно исполнял торшер. Явно чем-то был похож на князя.

— ...указывать мне, старый ты мерзавец! С кем хочу, с тем и играю! Настоящие гусары никогда... Ах ты, трухлявый пень! — внезапно завопил князь и треснул бутылкой по торшеру. Тот предсказуемо рухнул (и по счастью погас), а князь рухнул рядом на колени и, размазывая пьяные слезы, принялся причитать: — Убился, что ж ты убился-то, батюшка? Долгов не отдал, поместье матушке не отписал и вдруг убился! Ай, батюшка...

— Князь, князь Волков! — позвала его мадам, оттолкнувшая с дороги Матильду. — Ваша невеста пришла! Жениться-то будете?

— Буду! — Князь вскочил, пошатнулся и схватился за нотариуса. — Видишь, батюшку от моей женитьбы уже кондратий хватил! А что кондратий? Велел жениться — я женюсь! Ах, моя дорогая невестушка, моя Мими, ты прекраснее всех на свете!..

— Да это ж комод, князь! — Мадам оторвала его от предмета мебели, который князь уже принялся покрывать страстными поцелуями. — Вот ваша невеста, Матильда Сатье! Иди сюда, дура, что глазами хлопаешь!

— Я туточки, ваша светлость! — Мими (она же Матильда Сатье) совместно с мадам оторвала князя от комода, и он тут же облапил ее и уцепил за торчащую из корсажа грудь. — Ай, да вы шалун!

— Я твой муж! А ты теперь княгиня Волкова, запомнила, детка? Ну-ка повтори!

— Я теперь княгиня Волкова, — радостно смеясь, повторила Мими. Ей все происходящее казалось отличной шуткой. — Княгиня из борделя!

— Достойная жена! Я за прогрессивную демократию! — во всю луженую глотку завопил князь, сверкая покрасневшими голубыми глазами.

«А ведь мог бы быть красавцем, — подумала Ольга. — Если бы был трезвым».

— Виват! Да здравствует демократия! Да здравствует княгиня Мими! — нестройно поддержали его собутыльники и так же нестройно запели что-то, долженствующее изображать свадебный гимн.

Нотариус достал из-за пазухи какую-то мятую бумагу, Матильде в руки сунули перо, и она старательно нарисовала кривой крест вместо подписи. А Ольга опять подумала: что-то брачный контракт слишком похож на настоящий. Странная шутка. А девица — клиническая идиотка. Вот же написано: вдовья доля десять тысяч рублей золотом, вот обязательство...

Прочитать дальше Ольга не успела, наконец-то провалившись в темноту.

Владимир, столица Руси

Андрей Волков

Из тяжелого сна его вырвал поток вонючей воды в лицо. Невольно облизнув губы, Андрей сморщился и сплюнул:

— Merde! Степка, что творишь!

Денщик не ответил, только послышался жестяной звон ведра и шаги, отдающиеся вспышками боли в голове. Гнилостный запах лез в ноздри, горло саднило, во рту словно полк гусар ночевал. Все тело затекло до бесчувственности.

«Надо ж было так надраться, — мысли шевелились с крайним трудом, — чтобы заночевать в конюшне! Или не в конюшне? Пахнет уж больно гадостно».

С трудом пошевелив рукой, Андрей услышал металлический лязг. Руку что-то держало.

— Твою мать, — прохрипел он, разлепив глаза и обнаружив на руках кандалы. — Твою мать...

— Очнулся, ваше превосходительство, — донесся до Андрея незнакомый, сильный и подобострастный голос.

Превосходительство? О нет! Только не отец!

Подняв голову, Андрей глянул вокруг... и промолчал. Все это слишком походило на дурной сон: серые склизкие стены, ржавый крюк в потолке, зарешеченное и не застекленное окошко, из которого сочился мутный утренний свет. Грязь. Вонь. Кандалы. Над Андреем — мужичонка в серой форме Второй (Смирной) Жандармерии, со связкой ключей на поясе и пустым ведром в руках.

— Выйди. — От приказа знакомым тихим голосом Андрей вздрогнул.

Господи, пусть это будет сон! Прошу тебя!

— Четверть часа, ваше превосходительство. Через двадцать минут смена.

Мужичонка, поклонившись куда-то в сторону, ушел. А Андрей зажмурился. Всего на миг. И сумел прямо встретить отцовский взгляд. Как всегда — холодный и презрительный. Впрочем, сегодня презрение переливалось через край.

— М-да, — уронил князь Михаил.

Несколько мгновений в камере висела давящая тишина. Андрей судорожно пытался вспомнить, как он здесь оказался, а главное — за что? Последним, что он помнил, была свадьба с франкской шлюхой. Мими, Коко, или как ее там? Демон бы помнил! Но не мог же отец запихать его в тюрьму за невинную шутку? И тюрьма явно не франкская, а русская. Наверняка столичная, Владимирская.

Проклятье. Как?!

В животе шевелился ледяной ком, норовил схватить щупальцами за горло.

— Нечего сказать? — так же тихо и тяжело уронил отец и слегка пнул Андрея по ноге. — Поднимайся, бесстыжий выродок.

— Ты перестарался с воспитательными мерами, папенька. — Холодное равнодушие далось Андрею тяжело. Но не показывать же отцу свой страх!

— Недостарался. Драть бы тебя на конюшне, да поздно.

Стараясь ровнее держаться на ногах и не морщиться от тошноты и головной боли, Андрей поднялся. Зазвенели кандалы на руках, скрепленные цепью с ножными.

Вот тут страх захлестнул его с головой, смял, выдавил дыхание. Каким бы «золотым мальчиком» ни был Андрей, даже он знал: в России так сковывают лишь каторжан и смертников. После приговора.

Господи. Господи! Что происходит? Как? За что?!

— Объясни наконец, — едва удерживая голос от дрожи, спросил Андрей. — Неужто я так плохо исполнил твое повеление, что заслужил каторгу?

Отец побледнел, вздрогнул и шагнул к нему, замахнулся...

Оплеуха обожгла лицо, сбила с ног — Андрей упал бы, не будь за его спиной стены. Зато в голове прояснилось. И стало совершенно понятно, что это все — не сон.

— Ах ты, мразь. Пытаешься свалить свои грехи на меня? Гаденыш! — Отец снова замахнулся.

— Прекрати! — Андрей попытался выставить руки вперед, но цепь была слишком коротка, так что он снова едва не упал. — Проклятье... Хватит драться! Подумаешь, женился на Мими, что ты взбе-

ленился? Вот бумаги, кстати. Ты же велел жениться, я и женился.

Он нес какую-то чушь, зачем-то совал отцу найденные за пазухой бумаги, а в голове было пусто-пусто, ни одной связной мысли.

— Ты... — Отец нахмурился, забрал бумаги и отступил с таким видом, словно ему противно не то что касаться, а дышать одним воздухом с сыном.

Что ж, Андрею тоже было противно дышать тюремной вонью. Но не он себя сюда запихнул! И не набедокурил он на тюрьму, ни разу! Они с Морисом только собирались кое-что провернуть, что непременно должно было достать старого пня до самой печенки, но не до такой же степени!

— Я, папенька, я. Твой сын. Забыл, как я выгляжу?

— Лучше бы забыл. Ты... — Князь Михаил сжал кулаки и заложил их за спину. — У меня теперь только один сын, Ярослав. Слышишь? Ты, убийца, — мне не сын!

Андрей пошатнулся безо всяких оплеух. К тому, что достойный и любимый сын у князя Михаила только один, младший, — он давно привык. Но что он сам — убийца? Никогда!

— Ты с ума сошел. Никого я не убивал!

— Замолчи, я не желаю слушать твою жалкую ложь. — Голос князя снова был тих и тяжел. — Я здесь только из-за твоей матери. Аурелия плакала и просила за тебя, ошибка природы. Поэтому тебя не казнят.

— Казнят?..

Нет, это сон. Это не может быть правдой! Не может!..

— Последний раз я спасаю твою негодную шкуру, Андрей. Дай руки, — велел отец, доставая из кармана ключ и шагая к нему.

Поворот ключа — и кандалы упали с рук, а князь протянул ключ. Мгновение Андрей не мог сообразить зачем и только потом опустил взгляд на ноги. Выругался под нос по-франкски. Присел, опираясь на стену, отпер замок на ножных кандалах. Поднялся, отдал ключ.

— Иди, — отец махнул на тяжелую металлическую дверь.

— Кого я убил и когда? — Андрей встал напротив него.

— Не притворяйся агнцем господним, — нахмурился отец.

— Я не притворяюсь, демоны тебя разрази! Я никого не убивал! Никогда! Даже на дуэлях!

— Хватит, Андрей. Твоя ложь уже не имеет смысла. Тебя нашли рядом с убитым сыном Всеблагото Радетеля, пьяного вдрызг, в крови. Твои дружки не посмели тебя выгораживать. И если бы не твоя мать...

— Я пальцем его не трогал, клянусь!

— Замолчи, — хмуро покачал головой князь Михаил. — Поздно клясться. Все поздно.

— Но...

— Радетель успел к его величеству Николаю раньше меня, — открывая дверь камеры перед Андреем, сказал отец. — Твой приговор подписан и обжалованию не подлежит. За участие в запрещенной дуэли и убийство тебя предали анафеме и казнят сегодня в полдень.

— В смысле казнят? — Андрей оглянулся на покинутую камеру. — Ты же...

— Я не просил помилования для тебя. Лишь возможность проститься.

Отец сказал это так спокойно, что Андрей не сразу понял, что именно. А когда понял — едва удержался, чтобы не завывать. Отец даже не просил о помиловании. Не просил. Он просто выбросил